

Чернова, М.С. У истоков народознания: русская литература XVIII в. и открытие «своей народности»/ М.С. Чернова // Проблемы славянской культуры и цивилизации: Материалы XIII международной научно-методической конференции / Отв. редактор А.М. Антипова. – Уссурийск : Издательство УГПИ, 2011. – С.128 – 131.

Чернова М.С.
(г. Могилев, Беларусь)

У ИСТОКОВ НАРОДОЗНАНИЯ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII В. И ОТКРЫТИЕ «СВОЕЙ НАРОДНОСТИ».

Становление народознания как важнейшей отрасли историко-филологической науки обычно связывают с актуализацией проблемы самобытности, которая с определенной долей остроты вставала перед каждой национальной литературой в эпоху романтизма. Действительно, интерес к народным сказкам, легендам, сказаниям, образам, фольклорным и языческим обрядам в этот период оказывался не только благодатной почвой для создания оригинальных художественных произведений, но и являлся средством национального самопознания.

Следует, однако, подчеркнуть: в России изучение фольклора, национальной мифологии, бытовых традиций народа началось до наступления романтической эпохи. Это было связано, прежде всего, с литературно-художественной практикой XVIII в., с первыми попытками создать самобытную русскую литературу. Образная и жанровая система фольклора стала идейно-эстетической основой, на которой осуществлялось решение этой непростой задачи. Поэтому недооценивать роль русского просвещения в пробуждении внимания к народной культуре и становлении интереса к идее народности нельзя. Как справедливо заметил М. А. Азадовский, «в процессе формирования национального государства и построения новой культуры естественно должна была возникнуть и встать в центре идейных течений эпохи проблема национального самосознания, в числе атрибутов последней неизбежно вставал вопрос о фольклоре как резервуаре народно-национальной старины, поэзии, народной мудрости и как источнике литературы» [1, с. 42].

Обращение к народной культуре не было исключительно русским явлением. В Европе к середине XVIII в. развилось целое движение по изучению фольклорного наследия. В 1760-70 гг. появился перевод младшей Эдды и песен скальдов, Дж. Макферсон опубликовал поэмы «Оссиана», П.-Ф. Перси составил сборник «Памятники старинной английской поэзии...», увидели свет «Немецкие народные сказки» И.-К.-А. Музеуса и «История трубадуров» Милло, в 1782 г. К. Г. Мюллер издал полный текст «Нибелунгов». Молодой И.-В. Гете записывал старинные эльзасские народные баллады и стал подражать немецкой народной поэзии. Кроме того, начинает складываться не только

теория, но и философия фольклора. В 1773 г. появляется первая статья-манифест И.-Г. Гердера о народной поэзии «Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов», а в 1779 г. выходит знаменитый сборник народных песен, названный позднее «Голоса народов в песнях». И Россия XVIII в. благодаря пробудившемуся интересу к родному фольклору и опытам его эстетического осмысления полноправно включилась в общеевропейский процесс возрождения культурных корней.

Начало исторических изысканий совпало с первым периодом правления «просвещенной государыни» и связано с самой Екатериной II. В 1767 г. она стала создавать Эрмитажную коллекцию русских летописей, приказав новгородскому архиепископу собрать и переслать в Петербург известия древних летописцев. В конечном итоге в коллекцию Екатерины вошли древние рукописи из собраний А. Л. Шлецера, Г. Ф. Миллера, В. В. Крестинина, Н. А. Львова, Н. И. Новикова, А. С. Строганова, И. И. Бецкого, И. Н. Болтина, А. И. Мусина-Пушкина, профессоров истории Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева.

В это же время формировалась российская историография, создание которой приветствовала сама Екатерина. В течение десяти лет появились «История» И. Н. Татищева, «Российская история» Ф. А. Эмина, первые тома «Истории российской» М. М. Щербатова, «Ядро Российской истории» А. И. Манкеева. Сама государыня стала автором «Записки касательно российской истории». В Петербургской академии художеств ежегодно проводились конкурсы с национально-исторической тематикой на соискание ее выпускниками Большой золотой медали. В ряду традиционных сюжетов из библейской и античной истории в программы конкурсных работ, начиная с конца 1760-х г., включались темы из истории Киевской Руси: «Отмщение княгини Ольги древлянам» (1768), «Крещение Ольги» (1769), «Удержание Владимиром нанесенного от Рогнеды удара» (1770), «Выбор Владимиром веры» (1771) и т.д. Свидетельством интереса к национальной старине была «Древняя российская вивлиофика», издававшаяся Н. И. Новиковым, которая содержала публикации древних рукописей. «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, - писал Новиков в предисловии, - но гораздо полезнее иметь сведения о своих предках. К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей!» [2, с.270].

Несомненно, интерес к национальному прошлому, с полной силой проявившийся в 1760-70-х гг., имел большое общественно-историческое значение. Как отмечал Д. Н. Пыпин, «нужен был идеал, и этого идеала стали искать в полузабытой старине, из которой можно было извлечь по желанию образцы добродетели и мудрости, забыв образцы пороков и невежества. Это обращение было вполне естественно: куда иначе можно было обратиться, чтобы высказать свое негодование против данного порядка вещей, где властвовал крепостной произвол, где забывались обязанности к той народной массе, на которой утверждалось могущество государства и самое богатство господствующего сословия и для которой не находилось ни материальной помощи, ни доброго слова» [3, с.111].

Наряду с историческими изысканиями развивался и интерес к народному творчеству: сказкам, легендам, сказаниям, образам, языческим обрядам. Немаловажную роль здесь сыграла русская художественная литература. Она по-своему переосмысливала национально-фольклорный материал, подготавливая, тем самым, зарождение русской академической мифологической школы и предвосхищая деятельность Ф. И. Буслаева и А. Н. Афанасьева.

Одним из первых собирателей русского фольклора стал М. Д. Чулков. Результаты своих изысканий он публиковал в собственных журналах «И то и сию» (1769) и «Парнасский щепетильник» (1770). В 1770-74 гг. «Собрание русских песен» Чулкова, составленного в сотрудничестве с М. И. Поповым, положило начало целому ряду печатных песенников, до этого существовавших в рукописном виде. В 1769 г. выходят «Письмовник» Н. Г. Курганова, где среди стихотворений нашлось место пословицам и поговоркам, и «Сказки» А. О. Облесимова, ставшие первым опытом русских басен. К пословицам часто обращался и Новиков. Став арендатором типографии Московского университета в 1779 г., Новиков издал целый ряд сборников фольклорных произведений: «Новое и полное собрание российских песен» (1780-1781), составленное А. Барсовым «Собрание 4291 русских пословиц» (1770), сборник сказок, составленный В. А. Левшиным. Сам Новиков одним из первых стал использовать произведения фольклора в социальной, антикрепостнической сатире, продолжив тем самым традиции древнерусских сатирических повестей XVII в.

Но история сосуществования русского язычества и художественной литературы началась тогда, когда в моду вошли подражания народным сказкам. Сборник Чулкова «Пересмешник, или славянские сказки» (1766-68) явился первым опытом создания национально-русского сказочного жанра на основе русских рукописных повестей, устной народной сказки и русификации заимствованного из мировой литературы материала. А изданный им же «Краткий мифологический лексикон» (1767), в котором содержались сведения и по античной, и по славянской мифологии, начал традицию воссоздания полуфантастического, полуисторического мира славяно-русских богов, прямо ведущую к «Руслану и Людмиле» А. С. Пушкина.

Собиратели фольклора сами были писателями и творчески перерабатывали найденный материал, что являлось главной особенностью народознания второй половины XVIII в. «Тогда возникла попытка освоить фольклор, подчинив его задачам литературы», - отмечала Т. М. Акимова [4, с.19].

Действительно, сборники Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева и др. носили заглавия «русских», «славянских», «древних» сказок. Однако именно русские народные сказки они публиковали либо в пересказе, либо в художественной обработке. Благодаря этим сборникам традиционные фольклорно-сказочные сюжеты получили широкое распространение, и популяризация русской народной сказки стала главной заслугой составителей.

Но основная задача, которую ставили перед собой авторы этих сборников, заключалась в создании русского или даже общеславянского сказочного предания, аналогичного европейскому. Решая ее, они перелагали европейские рыцарские романы и «русифицировали» их за счет былинных элементов, а также вставок-пересказов русских волшебных и бытовых сказок о ворах, ведьмах, суевериях, солдатах. Все это привнесло в художественные произведения народный колорит и занимательность. Левшин в предисловии к сборнику «Русские сказки», вышедшему анонимно, так формулировал направленность своей работы: «Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений» [5, с. 6-7].

Стоит отметить, что материал сказок 1760-70 гг. заложил основу для формирования жанра литературной сказки, обоснование которому сделал А. Ф. Мерзляков в «Краткой риторике», узаконив его развитие в русской художественной словесности XIX в. [5, с.7]. Но сами сказки Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева не воспринимались современниками как литературные. Позднее даже А. Калайдович изучал их как достоверные источники народного творчества.

Сконструировав славянскую мифологию, сказочники-просветители тем самым сформулировали вполне понятную и цельную систему не только народных верований, но и языческого мировоззрения древних славян. С одной стороны, эта система стала восприниматься как специфическая культурная область, отделенная от новой русской литературы и современной русской жизни. Как заметил Азадовский, «просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурья уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства» [1, с.43]. А с другой, - появление мифо-сказочного предания, так или иначе связанного с историческими изысканиями эпохи, повлекло за собой создание нового мифа, под знаком которого русская культура войдет в XIX в. – мифа о русском народе как носителе уникальных идеалов, хранителе уникальных ценностей, имевшего собственный путь, с которого его отвернули Петровские реформы.

Современные культурологи именно с XVIII в. связывают появление «в русской национальной ментальности двух параллельно протекавших процессов – рациональной самоидентификации и бессознательно-невротического переживания травмы разрыва со «своим» и становления «чужого» [6, с.83]. Можно сделать спорный, но небезосновательный вывод о том, что осознание самоценности русской истории и фольклора повлекло за собой идеализацию старых допетровских форм жизни и выделение народной культуры, в широком смысле этого понятия, как явления внеположного по отношению к образованной части русского общества.

Если в культуре XVIII в. эта тенденция развивалась неосознанно, то уже в 1820-е гг. идеализация уступит место героизации народного характера, идеальное проявление которого поэты-декабристы будут находить исключительно в глубине русской истории и исключительно среди

представителей простого народа. Думы К. Ф. Рылеева - яркое тому свидетельство. Поэтому вывод Н. И. Цымбаева, автора авторитетнейшего исследования истории славянофильства в России, о том, что декабристы были первыми славянофилами, следует уточнить [7]. Идеология славянофильства начала складываться уже во второй половине XVIII в.

Если процесс идентификации своей народности начался в России уже в середине XVIII в., то терминологический аппарат, позволяющий определять его особенности, складывался на протяжении XIX в.

Наряду со словом «народ» в начале XVIII в. в активное употребление вошло слово «нация». Оно использовалось в значении «народ русский, немецкий, польский и прочая», о чем свидетельствует «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», словарь, который готовился по указанию Петра I, но не был опубликован [8, с. 383-384]. Русским эквивалентом заимствованного слова «нация» являлось слово «народ», что было и зафиксировано в словаре «Различная речения иностранная против славено-российских» (1730). Фактически, «народ» и «нация» в первой половине XVIII в. являлись прямыми синонимами. Однако в «Словаре Академии Российской» (1789) понятие «нация» включено не было, т.к. в конце XVIII в. оно стало ассоциироваться с Французской революцией (1789-1794) и приобрело политический оттенок. Письмо будущего царя Александра I к своему воспитателю Ж.-Ф. Лагарпу (1797) тому свидетельство: «<...> это было бы лучшим родом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей» [9, с.160]. Это высказывание наследника русского престола демонстрирует, что понятие «народ» стало трактоваться как социально-этническая общность, а «нация» - как социально-политическая, и в самом начале XIX в. они уже не воспринимались как идентичные.

Данный факт нашел отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где «нация» и «народ» характеризуются как слова разные по происхождению и не совпадающие по значению. Если слово «нация» толковалось и как население данной территории, и как «государство», то «народ» - только как население государства, этническая группа без политической автономии.

В контекст понятия «народ» в словаре Даля введено еще одно понятие - «народность» в значении «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого». Но помимо значения этнического своеобразия в семантике понятий «народ» и «народность» скрывался и социальный смысл. Народом называли еще и представителей низшего податного сословья, и потому под «народом» подразумевалось слово «простонародье», а под «народностью» - «простонародность», что подтверждается не только Толковым словарем Даля, но и литературой, публицистикой, письмами тех лет.

Таким образом, ко второй половине XIX в. сформировалась своеобразная градация понятий. Во-первых, нация – это «государство», народ – население данного государства, а народность – это этно-культурные особенности населения государства. А во-вторых, народ – это низшее сословие (крестьяне,

мастеровые, ремесленники и др.), а народность – это особенности бытовой и духовной культуры этого сословия. Как видим, начавшееся в 1770-х гг. формирование «двух ментальностей» к середине XIX в. можно считать завершившимся, что, естественно, отразилось в системе понятий русского языка.

Весьма интересным представляется тот факт, что слово «народность» появилось в литературных кругах. Оно сразу проникло в язык писателей и публицистов, и как понятие получило определенный статус и в художественных системах, и среди критериев художественных произведений.

Впервые его употребил в 1807 г. писатель, драматург, переводчик и мемуарист С. П. Жихарев в своем дневнике. Рассказывая о впечатлениях от знакомства с А. С. Шишковым, он записал: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность» [10, с. 316-317]. В данном контексте народность – это калька французского слова «popularité», что означает популярность. Но «народность» в значении «популярность» не прижилось, а потому и за Жихаревым авторство этого понятия не утвердилось.

К 20-м гг. XIX в. семантическая связь русского слова «народность» с французским «popularité» утратилась и образовалось смысловое сращение с другим, французским же, словом «nationalité». Его перевод на русский язык предполагает два варианта: «nationalité» – это и гражданство, и национальность. В этой связи вполне логичным должно было бы быть использование понятий «народность» и «национальность» как прямых синонимов. Однако социальный подтекст «народа» развел смысл понятий «национальность» и «народность».

В данном случае нельзя не обратить внимания на письмо кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу (1819), в котором он так комментировал свое стихотворение «Первый снег»: «Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет. <...> Тут дело идет не о достоинстве, а об отпечатке, не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных». И далее он утверждал: «Зачем не перевести nationalité — народность. Поляки сказали же narodowość» [11, Т. 2, с.357].

В этом высказывании Вяземского понятие «народность» соединяет в себе и идущее от французского «nationalité» значение национально-этнической самобытности, и идущее от русского «народ» значение «простонародный». Амплификация - «русская краска», «отпечаток», «выговор», «коренные замашки» - об этом говорит весьма красноречиво. А в 1824 г. Вяземский со всей определенностью укажет на двойное значение понятия «народность»: «Всякий грамотный знает, что слово «национальный» не существует в нашем языке; что у нас слово народный отвечает двум французским словам: populaire и national; что мы говорим песни народные и дух народный там, где французы сказали бы chansons populaire и esprit national» [11, Т.2., с.376]. Следует отметить, что именно эта трактовка народности утвердится в русской литературе и будет уточняться на протяжении всего XIX в. и в художественной практике, и в литературной критике, и в академической науке о литературе.

Одна из первых корректировок «народности» принадлежит И. И. Дмитриеву, который стал использовать это понятие как один из критериев художественности. В своих мемуарах «Взгляд на мою жизнь», увидевших свет только в 1866 г., он дал характеристику издательской деятельности Новикова и его журналам «Трутень» и «Живописец», выходявшим в 1780-х гг.: «Они отличались от сборников чужой и домашней всякой всячины и более отзывались народностию, хотя и менее об ней твердили, нежели нынешние наши журналы». И далее Дмитриев пояснил, что он понимал под «народностию» Новикова: «Издатель в листках своих нападал смело на господствующие пороки; карал взяточников; обнаруживал разные злоупотребления; осмеивал закоренелые предрассудки и не щадил невежества мелких, иногда же и крупных помещиков. Словом, старался, сколько мог и умел, выдерживать главное свойство своих журналов и приноравливать их к духу того времени» [12, с.44].

Народность Новикова и его журналов Дмитриев видел в живом отклике на проблемы *русской* жизни и страстном желании искоренения пороков в *русской* действительности. Поэтому он утверждал: «Гениальность и народность не в том состоят, чтоб созданиями своими, как они называют собственные нелепости, силиться потрясать наши нервы, возбуждать страх, ужас и отвращение, хотя они того не производят, и щеголять языком простонародным или хватским, употребительным на биваках» [12, с.98].

Фактически Дмитриев ввел в литературный обиход понятие «народность писателя», а категорию народности связал с задачами литературы, которые уже ему представлялись в отражении и критической оценке явлений действительности. Обозначив идеологическую сущность понятия «народность», его связь с социальностью и идейностью, Дмитриев начал прокладывать путь к демократической критике и литературе XIX в.

Литература.

1. Азадовский, М. К. Статьи о литературе и фольклоре / М. К. Азадовский - М. - Л., Худож. лит., 1960 - 548 с.
2. Орлов, О. В., Федоров, В. И. Русская литература XVIII века / О.В. Орлов, В.И. Федоров - М., Просвещение, 1972 – 304 с.
3. Пыпин, Д. Н. История русской литературы в 4 т. Т. III / Д. Н. Пыпин - СПб., Типография М. М. Стасюлевича, 1899 - 549 с.
4. Акимова, Т.М. О фольклоризме русских писателей: Сб. ст. / Т.М. Акимова – Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 2001 – 204 с.
5. Литературная сказка пушкинского времени – М., Правда, 1988. – 479 с.
6. Петр Великий. Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей - СПб., РХГИ, 2003. – 1024 с.
7. Цымбаев, Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н.И. Цымбаев - М., Изд-во Моск. Ун-та, 1986. - 274 с.
8. Смирнов, Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н.А. Цымбаев - СПб., Типография императорской академии наук, 1910. – с.339

9. Шильдер Н. Александр I // Русский биографический словарь в 25 т. Т.1 СПб, 1896. С.141-384
10. Жихарев, С. П. Записки современника / С.П. Жихарев - М.-Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1955. - 312 с.
11. Остафьевский архив князей Вяземских в 5 т. - СПб., 1899-1913.
12. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И.И. Дмитриева (изданные племянником его М.А. Дмитриевым). В 3 ч. — М, 1866.